— А ты неплох, малец, — усмехнулся Лэнс, когда съёмки подошли к концу.

Он по-дружески опустил ладонь на плечо Ли Сычэня. Похоже, завершение самой важной сцены или успешно пройденное испытание смягчили его — теперь он держался куда приветливее. Однако Сычэнь ловко уклонился от прикосновения.

— Господин Лэнс, если я — «малец», то вы, должно быть, уже старик, — бросил он с бесстрастным лицом и, не оборачиваясь, зашагал прочь.

Лэнс так и застыл с протянутой рукой, провожая его взглядом. Лишь когда мимо проходил Лю Шаньчэнь, он вцепился в него, точно в спасательный круг.

— Лю, ну объясни ты ему! Скажи, что позавчерашняя выходка — это твоя затея, а я тут ни при чём. Кто же знал, что этот кроха такой злопамятный?

Лю Шаньчэнь посмотрел вслед уходящему Сычэню. Он едва заметно улыбнулся — никакой это был не «злопамятный нрав», а чистой воды провокация. Впрочем, повернувшись к Лэнсу, он мгновенно вернул себе привычную невозмутимость.

— Он объявил мне «холодную войну» на целых десять дней, и я едва сумел вымолить прощение. Так что твою просьбу, уж извини, исполнить не могу, — и, оставив коллегу ни с чем, он последовал за мальчиком.

Лэнс остался стоять в одиночестве, с негодованием глядя на удаляющиеся спины.

Следующая сцена была за Лэнсом и Лю Шаньчэнем. Сычэнь наблюдал за ними издалека, сжимая в руке ручку.

— Сестра Я, — обратился он к Цзинь Я, — ты не могла бы показать, как пишется имя брата Шаньчэня?

Последние полторы недели из-за ссоры с Лю Шаньчэнем он никак не мог решиться на то, что задумал ещё до приезда на площадку. Теперь время поджимало.

— А? Да, конечно, — Цзинь Я взяла у него бумагу. Выводя иероглифы, она с любопытством спросила: — Карлос, ты не умеешь писать по-китайски? У тебя ведь такая чистая речь.

— Да, — кивнул Сычэнь. — Говорить умею, а писать — нет.

Он произнёс это удивительно спокойно. Даже те, кто знал его близко, вряд ли заподозрили бы, через что ему пришлось пройти. Он просто решил шаг за шагом стирать те горькие дни из памяти. Людям нужно смотреть в будущее.

Спокойствие в его голосе усыпило бдительность Цзинь Я. Она послушно вывела «Лю Шаньчэнь» на листке и, возвращая его, не удержалась от очередного вопроса:

— А у тебя самого нет китайского имени?

Сычэнь замер, пристально глядя на неё. Под этим тяжёлым, недетским взглядом Цзинь Я стало не по себе. Наконец он поджал губы и покачал головой:

— Нет. Только Карлос Тейлор. Других имён у меня нет.

Семью он признавал только одну. А всё остальное… пусть остаётся глубоко внутри.

— Вот как? — Цзинь Я, при всей своей непосредственности, почувствовала, что затронула какую-то болезненную струну. Она поспешила сменить тему. — Понимаю. Но не переживай: с твоим произношением в Китае у тебя не будет никаких проблем, можешь быть уверен.

— Угу, — Сычэнь опустил голову и принялся осторожно обводить иероглифы, которые она ему написала.

В прошлом он почти не сталкивался с письменностью, если не считать тех редких случаев, когда тётушка Чжан чертила что-то для него прямо на земле. Английский стал для него первым настоящим языком, поэтому китайская грамота давалась с трудом. К счастью, один из иероглифов в имени Лю Шаньчэня совпадал с его собственным именем — тем самым, которое он когда-то выводил снова и снова. На то, чтобы старательно прописать три знака, у Сычэня ушло три минуты.

Цзинь Я с улыбкой взглянула на результат.

— Первые два вышли так себе, но последний — просто загляденье. Даже не скажешь, что ты пишешь его впервые.

Она старалась приободрить ребёнка, выбирая самые лестные слова.

— Да, — негромко отозвался Сычэнь, почти прошептав: — Потому что он такой же.

— Что ты сказал?

— Ничего.

Постоянные напоминания о прошлом начинали его тяготить. Цзинь Я была к нему добра, и он понимал, что она спрашивает не со зла, но общаться больше не хотелось. Есть люди, чьи

«ауры» просто не совпадают, и как бы ни были добры их намерения, близости между ними не возникнет.

— Знаешь, Карлос, — продолжала Цзинь Я, не замечая перемены в его настроении, — если захочешь выучить язык, купи англо-китайский словарь. Если набраться терпения, по нему вполне можно заниматься самому.

Сычэнь оживился. Мысль о словаре показалась ему спасительной: так ему не придётся никого просить о помощи.

— Спасибо, сестра Я. Обязательно куплю, когда вернёмся.

Настроение заметно улучшилось, и он снова склонился над бумагой.

Когда Лю Шаньчэнь закончил сцену и подошёл к ним, его взгляд первым же делом упал на листок, испещрённый его именем. Он на мгновение заволновался, но быстро взял себя в руки.

— Карлос, учишь иероглифы? — мягко спросил он.

— Да! — Сычэнь, чьё доверие к этому человеку после случая с простудой заметно окрепло, протянул ему листок. — Брат Шаньчэнь, я тренировался писать твоё имя. Посмотри, неплохо ведь?

Лю Шаньчэнь принял бумагу. Он видел, как от строчки к строчке почерк становился увереннее. Но его внимание привлёк иероглиф «Чэнь». Этот знак с самого начала был безупречен. Словно рука мальчика знала его тысячи лет, словно он был высечен в его памяти задолго до этой встречи.

— Очень хорошо, ты быстро делаешь успехи. Что ещё хочешь написать? Давай я помогу.

В отличие от бесхитростной Цзинь Я, Лю Шаньчэнь был куда проницательнее. Он привык скрывать свои мысли, предпочитая молча наблюдать и делать выводы.

— Тогда напиши мне какие-нибудь красивые стихи. Я буду тренироваться на них, пока мы здесь, а дома уже займусь словарями, — улыбнулся Сычэнь.

— Идёт.

Лю Шаньчэнь склонился над столом. Его почерк разительно отличался от мелких знаков Цзинь Я: буквы ложились ровно, но в каждом росчерке чувствовалась скрытая экспрессия и свобода, что мало вязалось с его сдержанным образом. Написав несколько строк, он отложил ручку.

Сычэнь всмотрелся в текст и вдруг наткнулся на знакомый знак.

— А этот разве не из мо… — он едва не выпалил «моего имени», но вовремя осёкся. — Разве это не из твоего имени, брат Шаньчэнь?

Он побоялся признаться. Судя по всему, семья Ли в Китае была весьма влиятельной, и он не хотел навлекать на Лю Шаньчэня лишние проблемы своим прошлым.

— Верно. Давай я объясню тебе смысл. «Звёзды прошлой ночи, ветер прошлой ночи; к западу от расписного терема, к востоку от палат кассиевых. Хоть нет у нас крыльев за спиной, как у фениксов ярких, но души наши едины в каждом порыве…» Это стихи Ли Шаньиня, поэта эпохи Тан. Они о чувствах между людьми, но на самом деле он писал о своей судьбе, сокрушаясь о несбывшихся надеждах. Понимаешь?

Шаньчэнь не собирался пускаться в объяснения, но этот безупречный иероглиф «Чэнь» заставил его заговорить.

Учитель из него вышел не самый лучший — Сычэнь только растерянно мотнул головой:

— Не очень. Но иероглифы красивые. Брат Шаньчэнь, а что значит «Синчэнь»?

С самого начала его внимание было приковано к этому слову. Никто никогда не объяснял ему смысл его собственного имени, и теперь он искал ответы сам.

Лю Шаньчэнь положил руку ему на голову. Слишком явным было это любопытство — только глупец не понял бы, что за ним кроется.

— «Син» — это звёзды. А «Чэнь» символизирует время или небесное тело. В моём имени это означает призыв беречь время, не тратить его впустую.

— Вот оно что… — Сычэнь задумчиво кивнул, пытаясь примерить это объяснение на себя.

«Сычэнь». Неужели тот человек назвал его так? «Сы» — это тоска, память. Тосковать о времени? Какой в этом смысл? Он погрузился в свои мысли, отрешившись от реальности.

— Великий бог Лю, похоже, ты ему и впрямь небезразличен, — шепнула Цзинь Я, подтолкнув Шаньчэня локтем. — Смотри, как он загрузился твоим именем.

— Возможно, — коротко ответил тот.

Только сам Шаньчэнь понимал: дело не в нём. Всё указывало на то, что Карлос когда-то жил в

Китае, и жил очень тяжело. Его научили говорить, но лишили возможности писать. А «Чэнь», скорее всего, было частью его настоящего, утраченного имени.

— Карлос, — позвал Лю Шаньчэнь, присаживаясь рядом. — У тебя ведь осталось пять съёмочных дней, верно?

— А? — Сычэнь вздрогнул, выныривая из омута памяти. Ему стало неловко за свою отрешённость. — Прости, брат Шаньчэнь. Что ты сказал?

— Я спросил, пять ли дней тебе осталось сниматься.

— Да, режиссёр Лоувэнь сказал, что если не будет накладок, то пять. Кстати, у нас ведь ещё одна совместная сцена впереди.

— Да, — Лю Шаньчэнь легонько взъерошил его волосы, словно не расслышав последнюю фразу. — Через пять дней я вручу тебе подарок.

— Подарок? — Сычэнь опешил. — За что?

Вид растерянного мальчика явно позабавил Лю Шаньчэня, и он негромко рассмеялся:

— Ни за что. Просто потому, что хочу тебе его подарить.

http://bllate.org/book/17536/1705652